

УДК 39(57)
DOI 10.17223/19988613/43/27

И.Е. Максимова

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГЕНЕЗУ СЫМСКО-КЕТСКИХ ЭВЕНКОВ

Сымско-кетские (сымские, западно-сибирские) эвенки – локальная группа, сформировавшаяся в середине 30-х гг. XX в., в которую входили представители родов Баяки-Боярины, Баяки-Самаровы, Кему, Кильтыно, Кима, Танимо, Турумби, Чемба и Эгдырэ. В результате проведенных исследований была восстановлена целостность собранных Н.С. Розовым и Ф. Душем антропологических материалов, которые были дополнены архивными данными. Было выявлено, что роды, образовавшие в XX в. сымско-кетскую группу, кочевали в XVII – начале XX в. в междуречье Кети и Енисея (Турумби, Кильтыны), на обоих берегах Енисея в районе устья Ангары (Танимо, Кему, Кима), по Подкаменной Тунгуске (Чамба), в районе Илимпеи (Баяки).

Ключевые слова: сымско-кетские эвенки; Западная Сибирь; этногенез; Н.С. Розов.

Сымско-кетские (сымские, западносибирские) эвенки – локальная группа, сформировавшаяся в середине 1930-х гг. из милитского и питско-варагонского родов, кочевавших в XIX – начале XX в. по лево- и правобережью Енисея в пределах Анциферовской волости [1. С. 158–159]. Деление эвенков данного региона на группы, принятое в официальных документах XIX – начала XX в., соответствовало местам их выхода на сугланы (с. Ярцево и с. Усть-Пит) и не отражало реального родового состава. С точки зрения самих эвенков, в данную группу входили представители родов: Баяки-Боярины, Баяки-Самаровы, Кему, Кильтыно, Кима, Танимо, Турумби, Чемба и Эгдырэ.

Первые, и во многом случайные, материалы по антропологии сымско-кетских эвенков были получены Ф. Душем в 1921 г. [2], который обследовал девять мужчин и одну женщину из родов Баяки, Кему, Кима и Чамба, встреченных им на р. Подкаменная Тунгуска [3].

Впервые вопрос о целенаправленном антропологическом исследовании данной группы с выходом на проблемы этногенеза поставил Н.С. Розов в конце 1940-х гг. Судя по проведенной подготовительной работе, это была часть планируемого исследователем большого проекта по антропологическому изучению коренного населения региона [4]. Во время экспедиции 1950 г. в Верхне-Кетский район Томской области он посетил места компактного проживания эвенков (пос. Орловка, стоянка Проходной бор, пос. Максимкин Яр), где сделал значительное количество фотографий [5], провел антропологические измерения, которые были отражены в 38 антропометрических бланках [6], а также составил списки всех эвенков, проживающих в регионе. В дальнейшем эти данные были дополнены во время экспедиции 1952 г. на р. Васюган [7].

Все проведенные измерения были обработаны и сведены в таблицы [8]. Кроме того, Н.С. Розовым была составлена классификация эвенков данной группы по месту проживания и месту рождения. Судя по сделанным пометкам, Н.С. Розов предполагал исследовать этногенез каждого рода в отдельности. Полученные результаты были частично опубликованы [9, 10]. Соб-

ственные материалы он дополнил фотографиями из экспедиции А.П. Дульзона [11], проводившего в те же годы исследования на р. Кеть, и газетными вырезками, планируя, по-видимому, продолжать работу над данной темой. Однако начатое исследование не было им завершено, и большая часть материалов не была опубликована.

В дальнейшем возможностью антропологического изучения сымско-кетских эвенков активно интересовался В.А. Дремов. Однако реально приступить к этой работе он так и не смог. Его останавливали невозможность сбора остеологического материала (эвенки до 1950-х гг. не хоронили своих умерших на кладбищах), а также малочисленность и разрозненность группы. Предпринятая им попытка найти следы эвенкийского населения на р. Чулым не дала положительных результатов.

Таким образом, к 1980-м гг. все исследования в этом направлении были остановлены. Собранные Н.С. Розовым данные остались уникальным источником, который был разделен между различными фондами хранения (архив Кабинета антропологии, архив Музея археологии и этнографии Сибири (МАЭС), фотофонд МАЭС). Часть фотографий с краткими пояснительными сведениями была представлена на сайте Кабинета антропологии исторического факультета ТГУ [12].

В результате проведенных в последние годы работ была восстановлена целостность собранных Н.С. Розовым материалов. Недостающие фотографии были восполнены по сохранившимся негативам. Результаты (полевые дневники, подготовительные документы, отчеты, фотографии, негативы) были обобщены в базе данных, созданной в системе Moodle [13], которая позволяет проводить поиск как по названию источника, так и по именам людей, которые были обследованы в ходе экспедиций Н.С. Розова.

Г.М. Василевич первой обратилась к изучению этногенеза данной группы с «этнографических позиций» [14–16]. Она записала родословные эвенков, которые отражали их родственные связи за последние 150–200 лет [17]. Результаты ее исследовательской деятельности невозможно переоценить. Однако

Г.М. Василевич ставила перед собой задачу изучения культуры всего этноса, а не подробного анализа материала по одной локальной группе. Возможно, поэтому вопрос достоверности собранных родословных остался открытым.

В 1980-х гг. В.А. Туголуков [18] провел колоссальную работу по изучению этногенеза эвенков Западной и Средней Сибири, основанную на большом количестве архивных источников. Такая глобальная задача, естественно, не предполагала исследование истории отдельных семей.

Автором данной статьи была предпринята попытка обобщить материалы, собранные антропологами и этнографами, и дополнить их данными архивных источников, среди которых сведения из ревизских сказок конца XVIII в. [19], метрических (около 300 единиц) [20–22] и похозяйственных книг [23, 24], с целью восстановления этногенеза каждого из родов, вошедших в состав сымско-кетской группы.

Самые ранние письменные источники, которые удалось использовать для исследования, относятся к концу XVIII в. В ревизских сказках этого периода указывались, в том числе, люди, которые родились в конце XVII в. и умерли с момента прежней ревизии. Период с начала XIX в. достаточно полно охвачен метрическими книгами и исповедными росписями, что позволяет проследить родственные связи между лицами, указанными в ревизских сказках, и их потомками. Таким образом, родословные отдельных семей прослеживаются с 1690-х гг. до настоящего времени.

Эти данные были сопоставлены с родословными, записанными в 1931 г. Г.М. Василевич. Выяснилось, что при расчете разницы в поколениях в 30 лет совпадения имен и родственных связей было настолько значительным, что исключало элемент случайности.

К сожалению, удалось проанализировать не все родословные, так как в доступных для исследования архивах не сохранились данные VI–IX ревизий и переписей конца XIX – начала XX в. Многие эвенки крестились только в начале XX в., поэтому по данным метрических книг невозможно восстановить полный родовой состав. Кроме того, эвенки достаточно «легкомысленно» относились к русским именам, поэтому один и тот же человек в различных документах мог именоваться по-разному. Наконец, предки эвенков, кочевавших в конце XIX в. на левобережье Енисея, в конце XVIII в. могли кочевать в совершенно другом месте, что требует исследования ревизских сказок из всех смежных районов и является чрезвычайно трудоемкой работой.

Было установлено, что в конце XVIII – начале XIX в. основным центром «притяжения» эвенков на левобережье Енисея было с. Маковское на р. Кеть. В районе Мелецкого острога, несмотря на созвучие его названия с названием группы, следов присутствия эвенков не найдено.

В конце XIX – начале XX в. существовало два места постоянных выходов значительных групп эвенков дан-

ного района: Ярцево на р. Енисей и Максимкин Яр на р. Кеть. Кроме того, отдельные семьи эвенков регулярно посещали Назимово (на р. Енисей), Нарым, Парабель, больницу в пос. Молчаново на р. Обь [25. С. 168, 248], обживали верховья р. Тым, навевывались в бассейн Васюгана [Там же. С. 65, 181, 200] и даже ездили за покупками в Томск [Там же. С. 238]. Значительная группа эвенков, практически безоленных, кочевала в районе Кемчуга (приток Чулыма) [26]. Некоторые эвенки ходили на заработки в район северо-енисейских приисков (т.е. на правобережье Енисея). В таких условиях представители группы, осознавая свое родство, не воспринимали себя как отдельную территориальную общность.

Кроме того, по данным ревизских сказок конца XVIII в., в состав «тунгусов» входили фамилии, которые в XIX–XX вв. принято относить к остякам (селькупам). Например, Алексей Карелин назван «тунгусом» в документах 1789 г. [27. Л. 38 об.–40], Евстрат Карелин – 1851 г. [28. С. 2 об.–3]. Взаимобрачных отношений на этот период между Карелиными и «классическими» тунгусами не зафиксировано; в этнографических данных также нет упоминаний о том, чтобы современные эвенки считали Карелиных более близкими к себе, чем остальные селькупские семьи. Не исключено, что Карелины могли держать оленей и кочевать вместе с тунгусами, поэтому и были отнесены к ним, а не к безоленным «остякам». Практика содержания оленей нетунгусским населением с передачей оленей в стада эвенков для совместного выпаса была распространена на Кети вплоть до 1950-х гг. На р. Сым таким же образом поступали старообрядцы [29].

В то же время ряд фамилий, которые в XVIII – начале XIX в. значились «остяками» (например, Толстых), в XX в. оказались приписаны к «тунгусам». Однако в этом случае были зафиксированы воспоминания информаторов о том, что эти семьи стали «эвенками» относительно недавно, как правило, в силу житейских обстоятельств.

Несмотря на неполноту полученных данных, с достаточной долей уверенности можно констатировать, что в состав сымско-кетских эвенков вошли представители следующих групп:

1. Рода Кильтыно и Турумби, кочевавшие в конце XVII в. в междуречье Кети – Енисея в районе с. Маковское. Крестились раньше других эвенков, более других групп были подвержены влиянию русской культуры.

2. Рода Танимо, Кему, Кима, кочевавшие с конца XVII в. на лево- и правобережье Енисея в междуречьях Енисей – Чулым, верховьях Кети, с выходами на Сым и Пит. До начала XX в. сохраняли брачные связи и тесные культурные контакты с эвенками Ангары, с которыми они крестились в одних и тех же храмах, вместе работали на приисках и выходили в одни и те же населенные пункты. В результате только часть эвенков, относившихся в XIX в. к питскому роду, вошла в состав сымско-

кетских эвенков и частично в XIX в. перешла на Васюган. Другая часть группы смешалась с ангарскими и южно-подкаменно-тунгусскими эвенками.

3. Род Чамба, кочевавший в XVIII в. в районе Подкаменной Тунгуски, а в XIX – начале XX в. – на р. Сым. Имел тесные культурные связи с эвенками Подкаменной Тунгуски, которые выражались, с одной стороны, во взаимобрачных отношениях, с другой – в воспоминаниях о военных походах «на ту сторону Енисея».

4. Род Баяки, кочевавший в XVIII–XIX вв. на севере Туруханского края и имевший брачные связи и тесные культурные контакты с эвенками Илимпеи. По полевым данным, еще в начале XX в. его представители могли совершать «походы за невестами» в Илимпею, причем брали себе жен не только из тунгусок, но и из «остячек».

При таком сложном родовом составе численность группы всегда была невелика и по самым оптимистическим подсчетам не превышала в начале XX в. 600 человек [18. С. 248]. Сами эвенки на этот же период называли гораздо меньшие цифры: «На этом месте (земле) четыре рода живут. Р. Чамбал тридцать будет не будет человек. Р. Баяки восемь семей есть: в одной семье четверо мужиков есть, в одной двое; в одной трое было бы – маленькие. Р. Кималь четыре семьи есть. Потом Кемоль четыре семьи – семь мужиков, четыре семьи...» [25. С. 52–53]. Исходя из неоднородности родового состава группы, становится понятным, почему, например, знаменитые «шаманские» фольклорные тексты, в большом количестве записанные Г.М. Василевич на Сыме [30], были известны на Васюгане и Орловке только в самых общих чертах.

В 30-х гг. XX в. начинается активная деятельность по социалистическому строительству среди малочисленных народов Сибири. Было сформировано два центра, в которых велась работа с западносибирскими эвенками: фактория Монокон-Бологон на р. Сым и простейшее производственное объединение им. Беляевских на р. Кеть. В сымской фактории эвенки жили на одной территории с русским старожильческим населением, которое играло основную роль в организации деятельности этой фактории. Этому способствовало множество факторов: грамотность русского старожильческого населения, стремление к отстаиванию своих интересов, отсутствие культурного и языкового барьера. Влияние эвенкийского населения на принятие административных решений было весьма невелико.

Объединение им. Беляевских было организовано полностью по национальному признаку. В результате проведения землеустроительных работ была выделена значительная территория по р. Орловке, с которой было выселено старообрядческое население. Весь этот участок был поделен между эвенкийскими оленеводческими бригадами, сформированными по родственному принципу. Большая часть административных должностей

была занята также эвенками, которых активно вовлекали в общественную деятельность. Русскими были только специалисты (врачи, учителя, ветеринары) [31. С. 471].

Таким образом, в объединение им. Беляевских были созданы чрезвычайно благоприятные условия для сохранения эвенками своей культуры. Поэтому сюда съезжаются семьи с Васюгана, Тыма, Чулыма, Сыма. Как закономерный итог, с начала 1940-х гг. сымско-кетская группа начинает осознавать себя как единое целое. Прежнее деление по родам воспринималось прежде всего как деление по фамилиям. В то же время сохранялись представления о существовавших некогда лингвистических и этнокультурных различиях.

Например, эвенков, переселившихся с Чулыма, называли «крещены», так как их предки были крещены еще в середине XVIII в. Бояриных и Самаровых относили к одному роду – Баяки, «хотя они и не родственники». Материалы метрических книг полностью подтверждают эту информацию: Боярины преимущественно крестились в пос. Ярцево, Самаровы – в пос. Дубчес, и первоначально значились «сумароковскими» тунгусами (от названия населенного пункта Сумароково на Енисее). Через Дубчес и Тым они перекочевали на Васюган, где их прозвище превратилось в фамилию. В начале 1950-х гг. часть их перешла на Кеть, часть перекочевала вниз по Оби в Тюменскую область. На Васюгане осталось лишь несколько семей, которые еще в 1980-х гг. помнили о том, что их предки были проводниками у русских в районе Енисея.

Лихачевы, проживавшие на Кети, также знали о существовании двух «ветвей» своего рода («на Васюгане живут наши Лихачевы, но они нам не родня»). Архивные данные подтвердили, что Лихачевы в XVIII в. кочевали в верховьях Кети–Чулыма. В дальнейшем часть их осталась в этих же местах, совершая выходы в район Север-Енисейских приисков. Другая часть перешла на левобережье Оби в районе Молчаново – Тунгусово и далее по Васюганским болотам дошла до бассейна р. Демьянки, где ее представители встречались в начале XX в. [32]. Часть их в дальнейшем поселилась в этих местах [33], практически потеряв связь с сымско-кетской группой. В 1970-х гг. эвенки, проживающие по р. Васюган и Кеть, уж ничего не знали о них.

После упразднения в середине 1950-х гг. производственного объединения им. Беляевских эвенки расселились по различным населенным пунктам региона и постепенно утратили навыки оленеводческого ведения хозяйства. Последние кочевые семьи исчезли в начале 1980-х гг.

Таким образом, сымско-кетские эвенки имеют сложный этнокультурный состав. Это позволяет предполагать, что тщательный анализ и сопоставление антропологических, этнографических, лингвистических и фольклорных данных в пределах данной группы может помочь вычленивать составляющие, связанные с культурным наследием отдельных родов, и восстановить их этно- и культурогенез.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1906. Т. XXXI, ч. 1, вып. 1. Тунгусы собственно. 177 с.
2. Аксянова Г.А. Происхождение кетов по данным антропологии: история вопроса, новые материалы // Вестник антропологии. 2013. № 1 (23). С. 20–58.
3. Душ Ф. Записки по антропологии енисейцев и тунгусов в районе Подкаменной Тунгуски. Май–июнь 1921 г. // Архив Красноярского краевого краеведческого музея. Оп. 1. Д. 2424.
4. Материалы Н.С. Розова, 1950–1952 гг. // Архив Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Ф. 324.
5. Фотоальбомы по селкупам и эвенкам. Фотофонд Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 321, 323.
6. Антропометрические бланки. Архив кабинета антропологии Томского государственного университета.
7. Дневники экспедиции 1950 и 1952 гг. Архив кабинета антропологии Томского государственного университета.
8. Сопоставительные таблицы антропометрии. Архив кабинета антропологии Томского государственного университета.
9. Розов Н.С. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 6. С. 71–91.
10. Розов Н.С. Материалы по антропологии населения Причулымья // Материалы по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1961. С. 387–396.
11. Списки негативов из научных экспедиций А.П. Дульзона // Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р.1763. Оп. 1. Д. 157.
12. Фотоизображения представителей коренных народов Сибири. URL: http://www.if.tsu.ru/kranion/etn_a.htm, свободный.
13. Источники по этнографии и истории сымско-кетских эвенков. Антропологические данные. URL: <http://moodle.tsu.ru/course/view.php?id=2289>, свободный.
14. Василевич Г.М. Отчет о командировке к сымским тунгусам Туруханского края в VI–IX 1930 г. Системы рек Сыма и Дубчеса // Архив Академии Наук. Ф. 135. Оп. 2. Д. 76.
15. Василевич Г.М. Сымские тунгусы // Советский Север. 1931. № 2. С. 132–152.
16. Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Советский Север. 1931. № 10. С. 133–145.
17. Василевич Г.М. Родословные сымских тунгусов. Туруханский край. 1930, 23 // Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. 22. Оп. 2. Д. 17.
18. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М. : Наука, 1985. 285 с.
19. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 277. Оп. 1. Д. 434; Ф. 909. Оп. 1. Д. 6. Д. 9; Ф. 910. Оп. 1. Д. 7.
20. ГАКК. Ф. 182, 198, 239, 277, 325, 391, 394, 397, 427, 725, Р2453.
21. ГАТО. Ф. 170, 527.
22. Енисейский городской архив. Ф. Р273.
23. Верхне-кетский райгосархив Томской области. Ф. 35, 39, 46.
24. Енисейский районный архив. Оп. 2. Д. 2–10, 12, 16, 18.
25. Рычков К. Материалы по изучению тунгусского языка, фольклора и этнологии племени (Хоюнское наречие). 276 лист // Архив Института восточных рукописей (СПб.) Ф. 49. Оп. 1. Д. 6^а.
26. Рычков К. Материалы по изучению тунгусского языка, фольклора и этнологии племени (Барханское наречие). 531 лист // Архив Института восточных рукописей (СПб.) Ф. 49. Оп. 1. Д. 6^а.
27. Исповедальные росписи прихожан Маковской Покровской, Усть-Кемской Спасской церквей 1789. 80 л. // ГАКК. Ф. 819 Енисейское духовное правление. Оп. 1. Д. 7.
28. Ревизские сказки на тунгусов Вехнечумской управы Анциферовской волости Енисейского округа Енисейской губернии. 1852. Ф. 160. Оп. 3. Д. 542.
29. Казакевич О.А. Традиционная культура эвенков глазами старообрядческого населения Сыма // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западносибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 344–347.
30. Василевич Г.М. Материалы по фольклору сибирских эвенков // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л. : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смиловича, 1936. С. 1–146.
31. Проект землеустройства Орловского туземного сельсовета Колпашевского района // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 3. Д. 49.
32. Шухов И.Н. Материалы по изучению племенного состава населения и его быта в Тарском округе // Архив Академии наук. Ф. 135. Оп. 2. Д. 341.
33. Адаев В.Н. Этнолокальные модели и индивидуальные стратегии экологической адаптации (бассейн р. Демьянка, 1930–1980-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 125–135.

Maksimova Irina E. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: imaxi59@mail.ru

ARCHIVAL DATA AS A SOURCE FOR THE ETHNOGENESIS OF THE SYM-KET EVENKS.

Keywords: Sym-Ket Evenks; Western Siberia; ethnogenesis; N.S. Rozov.

The Sym-Ket (Sym, West-Siberian) Evenks is the local group formed in the mid-1930s from the Milit and Pit-Varagon clans. These clans roamed the left and right banks of the Yenisei River within the Antsifer Volost in the 19th – early 20th centuries. From the perspective of the Evenks themselves, this group included representatives of the following clans: Bayaki–Boyariny, Bayaki–Samarovy, Kemu, Kiltyno, Kima, Tanimo, Turumbi, Chemba, and Egdyre. The purposeful anthropological study of this group as a research problem was firstly initiated by N. S. Rozov in the late 1940s. Later, V. A. Dremov took an active interest in the possibility to study the Sym-Ket Evenks from an anthropological point of view. However, he could not begin this study. By the 1980s, the research in this direction was stopped. The data collected by N. S. Rozov remained the unique source, but they were scattered among different archives. Due to the research efforts undertaken in the last years, the integrity of the data collected by N. S. Rozov was restored. They were supplemented by anthropological records by F. Dush, census data (so called revision lists) of the late 18th century, parish registers (about 300 units), and a significant number of photographs. The clans whose descendants would form the Sym-Ket group in the mid-20th century were found to be divided into three branches in their localized habitation sites in the 17th – early 20th centuries: 1. The clans who roamed the interfluvial area between the Yenisei and Chulum rivers, in the headwaters of the Keti River, on the Sym and Peta rivers. 2. The clans who moved from the Podkamennaya Tunguska River to the north and migrated to the Ket River in the 19th – the early 20th centuries. 3. The clans who came from Turukhansk and the Ilimpei River in the 18th–19th centuries. Due to the restoration of kinships, some genealogies can be traced to the late 17th century. A number of families whose representatives identified themselves as the Evenks in the early 20th century had been registered as “Ostyaks”. Other families whose representatives had been registered as the “Tungus” in the 18th century identified themselves as the Selkups in the 20th centuries. Therefore, the Sym-Ket Evenks are of a more complex ethnocultural composition than previously thought. The findings obtained

from the analysis of the archival data, in combination with the restored findings by N. S. Rozov, make it possible to continue with his efforts and to further study the ethnogenesis of the Sym-Ket Evenks.

REFERENCES

1. Patkanov, S. (1906) Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov [Geography and statistics of Tungus tribes in Siberia on the basis of the 1897 Census and other sources]. In: *Zapiski RGO po otdeleniyu etnografii* [Records of the Russian Geographical Society, Department of Ethnography]. 31 (1-1).
2. Aksyanova, G.A. (2013) Proiskhozhdenie ketov po dannym antropologii: istoriya voprosa, novye materialy [The origin of Kets according in terms of anthropology: The background and new materials]. *Vestnik antropologii*. 1(23). pp. 20-58.
3. Dush, F. (1921) Zapiski po antropologii eniseytshev i tungusov v rayone Podkamennoy Tunguski. May-iyun' 1921 g. [Notes on anthropology of the Yenisey ostsaks and Tunguses near the Podkamennaya Tunguska. May-June 1921]. *The Archive of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore*. List 1. File 2424.
4. Rozov, N.S. (1950–1952) Materialy, 1950–1952 gg. [Materials of 1950–1952]. *The Archives of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University*. File 324.
5. Tomsk State University Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia. (n.d.) *Fotoal'bomy po sel'kupam i evenkam* [Photoalbums on the Eveny and Selkups]. 321, 323.
6. *The Archives of the Tomsk State University Anthropology Office*. (n.d.) Antropometricheskie blanki [Anthropometric forms].
7. *The Archives of the Tomsk State University Anthropology Office*. (1950, 1952) Dnevniky ekspeditsii 1950 i 1952 gg. [Expedition diaries dated by 1950 and 1952].
8. *The Archives of the Tomsk State University Anthropology Office*. (n.d.) Sopostavitel'nye tablitsy antropometrii [Comparative anthropology tables].
9. Rozov, N.S. (1961a) Antropologicheskie issledovaniya korennykh naseleniya Zapadnoy Sibiri [Anthropological studies of Western Siberian indigenous population]. *Voprosy antropologii*. 6. pp. 71-91.
10. Rozov, N.S. (1961b) Materialy po antropologii naseleniya Prichulyum'ya [Materials on the anthropology of the Chulyum population]. In: *Materialy po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Materials on the history of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 387-396.
11. *The State Archives of Tomsk Region (GATO)*. (n.d.) Spiski negativov iz nauchnykh ekspeditsiy A.P. Dul'zona [Lists of negatives from A.P. Dulzon's expeditions]. Fund R.1763. List 1. File 157.
12. Tomsk State University, Historical Faculty. (n.d.) *Fotoizobrazheniya predstaviteley korennykh narodov Sibiri* [Photos of the Siberian indigenous peoples]. [Online] Available from: http://www.if.tsu.ru/kranion/etn_a.htm.
13. Chernyak, E.I. (n.d.) *Istochniki po etnografii i istorii symsko-ketskikh evenkov. Antropologicheskie dannye* [Sources of anthropology and history of the Evenk of the Sym-Ket group. Anthropological data]. [Online] Available from: <http://moodle.tsu.ru/course/view.php?id=2289>.
14. Vasilevich, G.M. (n.d.) *Otchet o komandirovke k symskim tungusam Turukhanskogo kraya v VI–IX 1930 g. Sistemy rek Syma i Dubchesa* [Reports to the trip to the Sym Tungus of Turukhansk Region in 1930. The systems the Sima and Dubchesa rivers]. *The Archive of the Academy of Sciences*. Fund135. List 2. File 76.
15. Vasilevich, G.M. (1931a) Symskie tungusy [The Sym Tunguses]. *Sovetskiy Sever*. 2. pp. 132-152.
16. Vasilevich, G.M. (1931b) K voprosu o tungusakh, kochuyushchikh k zapadu od Eniseya [On the Tungus migrating to the west of the Yenisei]. *Sovetskiy Sever*. 10. pp. 133-145.
17. Vasilevich, G.M. (1930) Rodoslovnnye symskikh tungusov [Genealogy of the Sym Tungus]. *The Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Fund 22. List 2. File 17.
18. Tugolukov, V.A. (1985) *Tungusy (evenki i eveny) Sredney i Zapadnoy Sibiri* [Tungus (Evenks and Evens) in the Central and Western Siberia]. Moscow: Nauka.
19. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. (n.d.) Fund 277. List 1. File 434.
20. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. (n.d.) Funds 182, 198, 239, 277, 325, 391, 394, 397, 427, 725, R2453.
21. *The State Archives of Tomsk Region (GATO)*. Funds 170, 527.
22. *The Yenisei City Archive*. Fund R273.
23. *The Upper-Ket District State Archives of Tomsk Region*. Funds 35, 39, 46
24. *The Yenisei District Archive*. List 2. Files 2–10, 12, 16, 18.
25. Rychkov, K. (n.d.) Materialy po izucheniyu tungusskogo yazyka, fol'klora i etnologii plemeni (Khojonskoe narechie). 276 list [Materials for the study of the Tunguska language, folklore and ethnology (The Hojonsk dialect)]. *The Archives of the Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg)*. Fund 49. List 1. File 6b.
26. Rychkov, K. (n.d.) Materialy po izucheniyu tungusskogo yazyka, fol'klora i etnologii plemeni (Barhahanskoe narechie) [Materials for the study of the Tunguska language, folklore and ethnology (The Barhahan dialect)]. *The Archives of the Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg)*. Fund 49. List 1. File 6a.
27. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. (1789) Ispovedal'nye rospisi prikhozhan Makovskoy Pokrovskoy, Ust'-Kemskey Spasskoy tserkvey 1789 [Confessional paintings of the parishioners of Makovskaya Intercession, Ust-Kem Saviour Churches in 1789]. Fund 819. List 1. File 7.
28. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. (1852) Revizskie skazki na tungusov Vekhnechumskoy upravly Antsiferovskoy volosti Eniseyskogo okruga Eniseyskoy gubernii. 1852 [Revision lists on Tungus of the Vekhnechumskoe parish council of Antsiferov Yenisei district, Yenisei province]. Fund 160. List 3. File 542.
29. Kazakevich, O.A. (2010) [The Evenk traditional culture as viewed by the Old Believers from the Sima]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in its historical context: The experience of the West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the 15th International West-Siberian Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 344-347. (In Russian).
30. Vasilevich, G.M. (1936) Materialy po fol'kloru sibirskikh evenkov [Materials on the Siberian Evenk folklore]. In: Alkor, Ya.P. (ed.) *Sbornik materialov po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru* [The collection of materials on the Evenks (Tungus) folklore]. Leningrad: Institute of the North Peoples. pp. 1-146.
31. *The Archives of Tomsk Regional Museum of Local Lore*. (n.d.) Proekt zemlevedoustroystva Orlovskogo tuzemnogo sel'soveta Kolpashevskogo rayona [The draft of the land and water management in Orlovsky Indigenous Village Council, Kolpashevo District]. Fund 1. List 3. File 49.
32. Shukhov, I.N. (n.d.) Materialy po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya i ego byta v Tarskom okruge [Materials for the study of tribal composition of the population and its way of life in Tara District]. *The Archives of the Academy of Sciences*. Fund 135. List 2. File 341.
33. Adaev, V.N. (2010) Etnolokal'nye modeli i individual'nye strategii ekologicheskoy adaptatsii (basseyn r. Dem'yanka, 1930–1980-e gg.) [Ethnolocal models and individual environmental adaptation strategies (The Demyanka basin, 1930–1980s.)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(27). pp. 125-135.